

ЗАКАТ «МЯГКОЙ СИЛЫ»? ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ SOFT POWER

Е.В. Пименова
DOI 10.24833/2071-8160-2017-1-52-57-66

ОАО «Газета Известия»

Статья посвящена истокам и этапам эволюции концепции «мягкой силы» в политической практике ключевых государств мира. Данная концепция является одновременно теоретическим и прикладным продуктом, поскольку систематизирует и обозначает направления применения имеющихся у государств социально-политических ресурсов. С учетом её практической направленности определённый интерес представляет трансформация взглядов создателя термина «мягкая сила» Дж. Ная на основные элементы и механизмы функционирования «мягкой силы».

Автор рассматривает концепцию «мягкой силы» как элемент стратегии США, направленной на поддержание собственного лидерства в мире. В этой связи, для остальных государств использование «мягкой силы» для достижения собственных политических целей может оказаться менее эффективным, поскольку концепция заточена под конкретные политические характеристики США. Более того, по мере изменения внешнеполитической среды Вашингтон модернизировал данную концепцию, обратившись к идее «умной силы». Автор обращает внимание на то, что условия использования «мягкой силы», вероятно, изменились и для других государств.

Изучение концепции «мягкой силы» должно включать сравнительный аспект, то есть изучение исторических форм других практик и подходов к сохранению глобального лидерства. В этой связи большой потенциал для дальнейших исследований представляет так называемая «внешняя культурная политика», которая реализовывалась рядом европейских государств в XIX столетии.

Автор отмечает, что с учётом современных реалий мировой политики и международных отношений назрела необходимость пересмотреть имеющиеся теоретические подходы к имиджу государств на международной арене, выработать новый инструментарий, который будет комплексно учитывать культурные, туристические, образовательные возможности и достижения государств.

Ключевые слова: «мягкая сила», американское лидерство, внешняя культурная политика, «умная сила».

УДК 327

Поступила в редакцию 20.09.2016 г.

Принята к публикации 08.02.2017 г.

«Soft power» или «мягкая сила» в общепринятом русском переводе - понятие, уже прочно вошедшее в лексикон политиков, экспертов, журналистов и всех тех, кто, так или иначе соприкасается с международной проблематикой. За последнее десятилетие этот термин стал настолько популярен, что его смысл кажется уже очевидным и не требующим долгих объяснений. Он постепенно входит в основополагающие внешнеполитические документы и стратегические концепции ряда стран. Например, в 2012 г. понятие «мягкая сила» вошло в новую редакцию Концепции внешней политики Российской Федерации; ещё в 2001 г. оно официально зафиксировано в Стратегии по продвижению имиджа Польши. В целом формируется пул профильных рейтинговых агентств, специализирующихся на разработках шкалы оценок и количественном измерении «мягкой силы» государств в мировом масштабе. Можно даже сказать, что идея soft power постепенно наделяется свойствами глобального дискурса, и начинает казаться неотъемлемым атрибутом внешней политики.

Теория «мягкой силы» представляет собой сравнительно молодое направление, ставшее, тем не менее, одним из наиболее «трендовых» в рамках современных политологических исследований. Серьёзное внимание учёных данная тема привлекла в 90-е гг. Это было временем коренных изменений и глубинных трансформаций на геополитической карте мира, когда во главу угла встала необходимость поиска принципиально иных, подчёркнуто неконфронтационных подходов к развитию международных отношений. Именно тогда в США впервые появилась и была озвучена концепция «мягкой силы» как нового формата взаимодействия внешнеполитических игроков.

Пик интереса к «мягкой силе» и даже своего рода моды на эту идею в научном сообществе Европы и России пришёлся на период со второй половины 90-х до конца первого десятилетия 2000-х гг., на время стабилизации постбиполярного миропорядка, уверенного роста ведущих мировых экономик, «перезагрузки» российско-американских отношений - словом, эпохи, когда убеждённости в подлинной эффективности этого инструментария не вызывала сомнений.

Пионерами теоретических построений в сфере «мягкой силы» стали американские политологи. В этой связи современная историография по данной проблематике оперирует методологией и понятийным аппаратом, разработанными в США. *Factum notorium*, что «отцом-основателем» этой концепции считается политолог, эксперт по вопросам национальной безопасности США и политик Джозеф Най¹. Именно он ввел термин «soft power» в научный оборот в конце 80-х гг. В его, ставшем уже классическим, определении «мягкая сила» трактуется как «способность привлекать других на свою сторону, добиваясь поддержки собственной повестки дня в международных отношениях путём демонстрации культурно-нравственных ценностей, привлекательности политического курса и эффективности политических институтов страны» [8].

¹ В 1994—1995 гг. Дж.Най был заместителем министра обороны по вопросам международной безопасности

Сам Дж.Най в качестве основных инструментов «мягкой силы» определял три главных составляющих: это внешняя культурная политика, аттрактивность политических ценностей/идеологии и успешные действия на международной арене [9]. С течением времени в своих работах политолог развивал, дополнял и детализировал понятийный аппарат собственной теории, тем самым предоставляя своим последователям возможность расширять область научных изысканий, делая акцент на её различных составляющих. Таким образом, ряд исследователей полагает, что главным инструментом «мягкой силы» является внешняя информационная политика государств и так называемый «внешний PR» или брендинг [5; 6], для некоторых учёных ключевым пунктом служит развитие транснациональных горизонтальных связей посредством структур гражданского общества [4]. Весьма значительная часть экспертов вслед за Дж.Наем предпочитает фокусировать внимание на продвижении культурных ценностей как главном факторе привлекательности страны на международной арене.

В литературе бытует мнение о том, что «мягкая сила» и внешняя культурная политика, как одна из её основных составных частей, трансформировались в осознанную государственную стратегию, имеющую солидную концептуальную, научную и законодательную базу, лишь в XX в. Однако, представляется, что это не совсем так.

Основные принципы внешней культурной политики как инструмента влияния на международную повестку стали изобретением гораздо более раннего периода. По большому счёту прообраз «мягкой силы» в нашем нынешнем понимании сложился в колониальную эпоху, когда перед метрополиями впервые встала долгосрочная задача формирования местной лояльной элиты на покорённых территориях. Её подготовка и воспитание осуществлялись посредством экспорта образовательных стандартов, культурных норм, языка, ключевых принципов государственного управления. Элементы целенаправленной внешней культурной политики можно усмотреть и в ещё более раннюю эпоху – примером доколониальной «мягкой силы» может служить христианское миссионерство в VII-XIV вв. Тогда речь шла о расширении ареала христианской веры, а, соответственно, и сфер политического влияния Рима и Константинополя.

Ряд исследователей полагают, что феномен современной внешней культурной политики является изобретением и прерогативой Франции [2, с. 15]. Именно Франция, как ни одна страна мира, стремилась к сохранению, поддержке и продвижению своего культурного и языкового наследия. А XIX в. стал её поистине золотой эпохой – французская высокая культура служила мировым эталоном, французский язык вплоть до начала Первой мировой войны оставался не только языком официальной дипломатии, но и одним из основных средств коммуникации и в Европе.

Уже в 1883 г. был создан «Альянс Франсез» – частная неправительственная организация по распространению французской культуры за рубежом [2, с. 188]. Не в последнюю очередь его появление было обусловлено заботой об имидже

страны в мире: Франция стремилась отыграть репутационные потери, вызванные неудачей во франко-прусской войне 1870-1871 гг. Кроме того, одним из серьёзных элементов мягкой силы для Франции стало явление «Франкофонии»², которое конституировалось в общемировое движение и окончательно сформировалось в конце 60-х гг. XX в., в эпоху бурной деколонизации.

Франция была культурным гегемоном Европы до того момента, когда политико-экономическое влияние Великобритании и стремительное развитие Германской империи не начало создавать для неё серьёзной конкуренции на международной арене, в том числе и в продвижении культурно- гуманитарного потенциала. Культурное соперничество двух колониальных держав – Великобритании и Франции – на рубеже веков стимулировало развитие внешнего измерения культурной политики. Однако первый английский культурный институт за рубежом появился много позже своего французского *vis-à-vis*. Британский совет (имевший изначально название «Британский комитет по отношениям с другими странами») был создан лишь в 1934 г. Тем не менее, уже тогда цели и задачи его деятельности формулировались вполне в русле нынешних идей Дж.Ная. Цель Совета заключалась в том, чтобы «создать за рубежом основу для дружественного знакомства и понимания народа нашей страны, его философии и образа жизни, которое приведёт к принятию и поддержке внешней политики Великобритании, какой бы эта политика ни была и из каких бы политических предпосылок не исходила» [11].

Германия значительно отставала в вопросе продвижения собственного имиджа в мире. Но после объединения в 1871 г. также активно включилась в этот процесс. Уже к концу XIX в. страна заняла ведущие позиции в международной научном сообществе как по целому ряду достижений в ключевых областях знания, так и с точки зрения системы организации науки. Гумбольдтовская идея соединения преподавания и исследования, традиционно привилегированное положение немецкого университета и университетского профессора – всё это стало ориентиром и примером для многих стран. А создание в 1911 г. Общества Кайзера Вильгельма — системы специализированных научно-исследовательских учреждений с решающей ролью государства при участии крупных промышленников — воспринималось многими современниками, в том числе В.И. Вернадским и К.А. Тимирязевым, как прообраз оптимальной модели организации наук [1].

Итак, основным компонентом германской мягкой силы на рубеже XIX-XX вв. были образование и наука. Правительство уделяло большое внимание развитию немецких школ за рубежом. Так, например, в 1870 г. в мире насчитывалось 96 школ с немецким языком преподавания, к 1900 г. этот показатель вырос до 438, а к 1913 достиг 700 [10, с. 268]. В 1925 г. была основана успешно функционирующая и по сей день Германская служба академических обменов – DAAD.

² «Франкофония» – международная неправительственная организация сотрудничества франкоязычных и имеющих обширные культурные связи с Францией стран.

Важно отметить, что для Германии после Первой мировой войны культура стала фактически одним из немногих оставшихся инструментов внешней коммуникации, так как по Версальскому мирному договору страна лишилась армии, флота и возможности оказывать политическое влияние в целом.

Бойкот немецкой науки в первой половине 1930-х гг. стал ключевым фактором утраты Германией и немецким языком как средством научного обмена тех позиций в международном гуманитарном сотрудничестве, которые были достигнуты к началу XX в. Лишь только после Второй мировой войны в двух разделённых Германиях началось постепенное восстановление культурных институтов. Самым значительным шагом во внешней культурной политике стало создание в 1951 г. Гёте-института – организации, призванной работать в сфере продвижения немецкого языка и немецкой культуры за рубежом, активно работающей и сегодня³.

Ряд вышеприведённых отдельных примеров наглядно демонстрирует, что культурная политика, направленная на формирование положительного образа государства на международной арене и поддержку его внешнеполитического курса, системно и продуманно реализовывалась в мировой практике на протяжении не одного столетия. Почему же именно теоретические построения Дж.Найя стали столь популярны, а теория «мягкой силы» стала во многом американским глобальным дискурсом?

Безусловно, Дж.Наю удалось систематизировать и описать базовые принципы и подходы, используемые в международном гуманитарном сотрудничестве. Однако принципиально важным представляется следующий момент. Стоит подчеркнуть, что изначально теория soft power создавалась американскими экспертами не как научная дисциплина, а, в первую очередь, в качестве прикладного инструментария для реализации целей американской внешней политики с опорой на тот экономический, культурный, научный и финансовый потенциал, которым располагают именно США. Основной целью формирования данной концепции служила разработка способов воздействия на общественное мнение в странах бывшего Варшавского блока и вновь образованных постсоветских республиках. Главной задачей в этом смысле стало противопоставление логике «железного занавеса» идей диалога, обмена, развития и взаимопроникновения культур. И в течение определённого периода эти инструменты демонстрировали свою безусловную эффективность.

Однако в то время как мир всерьёз увлекся идеями soft power, найдя в них набор теоретически прозрачных критериев и простых рецептов по улучшению имиджа и привлекательности государств, в США начался обратный процесс. Переломным моментом стала знаковая и трагическая дата в современной аме-

³ При этом, стоит отметить, что ГДР стремилась не отставать от ФРГ в этом вопросе. В 1956 г. в Лейпциге на базе Университета Карла Маркса был создан Гердер-институт (Herder-Institut). Гердер-институт задумывался как полный аналог Гёте-института, противопоставляя при этом свою деятельность «культурному империализму», пропагандируемому ФРГ.

риканской истории – 11 сентября 2001 г. После тех страшных событий новым принципом, которому призвана была подчиняться внешняя политика США, была провозглашена борьба с глобальным терроризмом.

Этот вектор стал определяющим и с точки зрения пересмотра теории «мягкой силы». В течение нескольких лет американские политологи искали новые концептуальные формы, которые могли бы, исходя из внешнеполитических приоритетов США, в полной мере соответствовать сложившимся международным реалиям. И в скором времени подходящий ответ на вызов времени был найден: в 2004 г. Дж. Най в своём исследовании *The Means to success in World politics* предложил отныне оперировать понятием «умная сила». Новый термин, по признанию автора, был применён для того, чтобы скорректировать неверное восприятие того, что только одна «мягкая сила» может выдавать эффективную внешнюю политику: «Я определил «умную силу» как способность сочетать ресурсы твёрдой и «мягкой силы», – отмечал Най [3, с. 59]. Иными словами, на смену понятию *soft power* пришло более сложное, многокомпонентное определение, имеющее множество разных оттенков в зависимости от вектора и точки приложения самой силы.

В специальном докладе, подготовленном в 2007 г. для экспертных слушаний Центром стратегических и международных исследований под руководством Дж. Наю, прямо отмечалось, что глобальной задачей для США является, ни много ни мало «обеспечение условий, которые народы и правительства по всему миру не смогли бы достичь без американского влияния». Ключевой целью в этом смысле служит формирование хорошей репутации и положительного имиджа, так как они «помогают усилить доброжелательность и обеспечить позитивное отношение к рискованным и непопулярным акциям» [7, с. 5].

Важно отметить, что «умная сила» мыслится её идеологами как исключительно американская прерогатива: ««Умная сила» – это комбинация *soft* и *hard power*, которая подразумевает интегрированную стратегию, ресурсную базу и набор инструментов для достижения Америкой своих целей путём применения обоих видов силы» [7]. Несколько утрируя, можно сказать, что в соответствии с новой теорией, США, исходя из внешнеполитической целесообразности, могут теперь решать, в какой точке мира стоит провести серию семинаров для неправительственного сектора, а куда сбросить «умные бомбы». И всё это в рамках одной целостной интегрированной концепции.

Такой подход, по мнению его создателей, «позволяет избежать чрезмерной милитаризации, но в то же время создаёт надёжные инвестиции в альянсы, партнёрства и институты с целью распространения американского влияния и легитимизации внешнеполитических действий». Главная задача – позиционировать США как партнёра для лучшей жизни [7, с. 7].

Итак, после терактов 11 сентября американским политикам и экспертам стало ясно, что механизмы «мягкой силы» не могут в полной мере обеспечивать достижение внешнеполитических целей США. При этом стоит задаться вопросом,

а смог ли в принципе этот инструментарий обеспечить истинную поддержку действий Америки на международной арене со стороны зарубежной общественности? Достаточно вспомнить, насколько часто в различных точках планеты сжигается в знак протеста флаг США, как часто в мире проходят масштабные антиамериканские акции (взять хотя бы то, с каким массовым сопротивлением в Европе сталкивается лоббируемая США идея ТТIP) или, к примеру, какими серьёзными внешними системами безопасности оборудованы американские посольства по всему миру.

Сегодня становится всё более очевидно, что теория «мягкой силы» в её американской версии – это не стройная научная концепция, а утилитарный набор инструментов, сочетающий в себе элементы коллективной психологии (система «кнута и пряника», воздействие на массовое сознание), маркетинговых и PR-технологий, идей культуртрегерства как чувства своей особой цивилизаторской миссии. А главное – этот набор инструментов гибко адаптируется под конкретные внешнеполитические задачи страны (читай: США).

И как только эти инструменты оказываются неэффективными, на смену им приходят новые идеологемы, что и произошло в 2004 г., когда идеи «умной силы» были признаны в США более соответствующими внешнеполитическим реалиям. Практические последствия смены смысловых акцентов не заставили себя ждать. Следствием последовательной реализации новой концепции стала череда «цветных революций» на постсоветском пространстве, «арабская весна» на Ближнем Востоке, майдан и раскол Украины, всплеск кровавого террора ИГИЛ (организация запрещена в России), беспрецедентный поток миграции в Европу.

США уже давно пережили моду на «мягкую силу» и сконцентрировали интеллектуальные усилия на формировании новых концепций (к слову, пока нет ответа на вопрос, каким же образом вписываются в эти концептуальные поиски планы по модернизации американского ядерного оружия).

Однако, несмотря на это, идеи soft power завоевали немалую популярность во всём мире. Государства наперегонки всё ещё стремятся осваивать эту методологию. Престижным для стран, в особенности для развивающихся, считается попасть в тот или иной рейтинг «мягкой силы», получить высокий индекс имиджевой привлекательности государства и т.п.

Не так давно и Россия была включена в очередной такой рейтинг. Британское PR-агентство Portland впервые поместило Россию на 27-е место в список 30 наиболее влиятельных стран в сфере «мягкой силы». Это было расценено как показатель признания усилий по развитию гуманитарного инструментария во внешней политике. Однако представляется, что подобные рейтинги носят во многом умозрительный, теоретический, а нередко даже и манипулятивный характер. Например, в ситуации с рейтингом Portland его создатели напрямую увязали включение в список России с тем, что она «справилась» с удерживанием от эскалации конфликта на Донбассе, а также оказала немалое влияние на борьбу с ИГИЛ в Сирии.

В целом, думается, что вся теория «мягкой силы» не может претендовать на универсализм именно по причине своей конкретно-исторической утилитарности, «заточенности» под американские задачи и ресурсы. Не говоря уже о том, что теракты 11 сентября заставили американский истеблишмент в корне пересмотреть эту теорию. Именно поэтому не стоит всерьёз ориентироваться на разного рода рейтинги и условные замеры уровня «мягкости» силы той или иной страны.

Продвижение собственных интересов посредством самого широкого спектра гуманитарных программ – естественная практика государств, которая на протяжении не одного столетия приносила свои плоды. И эти способы становятся эффективными тогда, когда они базируются на объективных, исторически сложившихся условиях и реализуются посредством концептуально приемлемых и органичных для той или иной страны методов.

Ведь независимо от того, как назвать совокупность действий государств по продвижению собственной культуры, имиджа, экономической, туристической, инвестиционной привлекательности – «мягкой силой», гуманитарным сотрудничеством, культурным обменом – все эти существенные составные элементы, которые на протяжении всей истории в разных формах образуют ткань сложного процесса международных отношений, останутся неизменными.

А вот теория soft power уже не сможет стать «глобальным продуктом». Ибо за три десятилетия своего существования и применения она привела к весьма печальным результатам.

И сегодня главная задача, которая стоит перед мировым экспертным сообществом, заключается в поиске тех концепций, которые бы в условиях неизбежных геополитических трансформаций способствовали бы истинному взаимопониманию, компромиссам и стабилизации международных отношений, а не являлись лишь одним из инструментов глобальной борьбы.

Список литературы

1. Дмитриев А.В. Мобилизация интеллекта: Первая мировая война и международное научное сообщество // Интеллигенция в истории: образованный человек в социальных представлениях и действительности. М: ИВИ РАН, 2001. С. 269-335.
2. Косенко С. Мягкое могущество в твердой упаковке. Особенности культурной политики Франции. М: МГИМО-Университет. 2011. 416 с.
3. Най Д. Будущее власти. М.: АСН, 2014. 448 с.
4. Погорельская С.В. Неправительственные организации и политические фонды во внешней политике ФРГ. М.: Наука, 2007. 207 с.
5. Смирнова А.Г. Образ государства во внешней политике и международных отношениях. СПб.: Издательство СПбГУ, 2011. 230 с.
6. Федякин А.В. Зарубежный опыт политики формирования позитивного образа государства: сравнительный анализ теории и практики. М.: МИИТ, 2009. 256 с.
7. Armitage R.L, Nye J.S. Jr. CSIS Comission on Smart Power: a smarter, more secure America. Washington, DC: The CSIS Press, 2007. 88 p.
8. Nye J. The Means to success in World politics. New York: Public Affairs, 2004. 192 p.
9. Nye J. Foreword // Soft Power Super-powers. Cultural and national assets of Japan and the US. Ed. by Y. Watanabe, D.L. McConnel. New York: M.E. Sharpe, 2008. pp. IX-XIV.

10. DUEWELL K. Deutschlands auswaertige Kulturpolitik 1918-1932. Grundlinien und Dokumente. Koeln/Wien: Böhlau, 1976. 402 p.
11. 1940-41 Annual Report British Council. URL: <https://www.britishcouncil.org/organisation/history> (дата обращения: 21.02.2017).

Об авторе:

Елена Владимировна Пименова – политолог, обозреватель газеты «Известия». 115093 г. Москва, переулок Партийный, д. 1 корпус 57 строение 3. E-mail: pimminito14@gmail.com.

THE DECLINE OF SOFT POWER?

E.V. Pimenova
DOI 10.24833/2071-8160-2017-1-52-57-66

«Izvestia»

The article deals with the origins and stages of the evolution of the concept of “soft power” in the political practice of the key countries in the world. This concept is both theoretical and practical product since it synthesizes and represents the direction of the application by a state its of social and political resources. It is significant to trace the transformation of the views of the author of the term J. Nye on the essential elements and mechanisms of “soft power”.

The author examines the concept of “soft power” as an element of the US strategy to maintain its leadership in the world. In this regard, for other countries the use of “soft power” may be less effective for their own political purposes, because the concept is tuned to the specific characteristics of US policy. Moreover, with change in the international environment, Washington modernizes the concept, of “smart power”. The author draws attention to the fact that the conditions for the use of turning it in “soft power” are likely to have been changed for the other states.

The author concludes that there is a need to revise the existing theoretical approaches to the image of the state in the international arena and to develop new tools that can take into account the complex cultural, tourism, educational opportunities and achievements of every state.

Key words: soft power, American leadership, foreign cultural policy, smart power.

References

1. Dmitriev A.V. Mobilizatsiia intellekta: Per-vaia mirovaia voina i mezhdunarodnoe nauchnoe soobshchestvo [Mobilization of mind: World War I and interantional academia]. *Intelligentsiia v istorii: obrazovannyi chelovek v sotsial'nykh predstavleniakh i deistvitel'nosti*. [Intelligentsia in history: educated person in social understanding and reality]. Moscow, IVI RAN Publ., 2001. Pp. 269-335. (In Russian)
2. Kosenko S. *Kosenko S. Miagkoe mogushchestvo v tverdoi upakovke. Osobennosti kul'turnoi politiki Frantsii* [Soft power in hard package. Cultural policy of France]. Moscow, MGIMO Universitet Publ., 2011. 416 p. (In Russian)
3. Naj D. *Budushchee vlasti* [The future of power]. Moscow, CAN Publ., 2014. 448 p. (In Russian)
4. Pogorel'skaja S.V. *Pogorel'skaia S.V. Nepravitel'svennye organizatsii i politicheskie fondy vo vneshnei politike FRG* [Non-governmental organizations and political funds in German foreign poli-

- cy]. Moscow, Nauka Publ., 2007. 207 p. (In Russian)
5. Smirnova A.G. *Obraz gosudarstva vo vneshnei politike i mezhdunarodnykh otnosheniikh* [State's image in foreign policy and international relations]. St. Petersburg, SPBGU Publ., 2011. 230 p. (In Russian)
 6. Fediakin A.V. *Zarubezhnyi opyt politiki formirovaniia pozitivnogo obraza gosudarstva: sravnitel'nyi analiz teorii i praktiki* [Foreign experience of forging positive state image: comparative analysis of theory and practice]. Moscow, MIIT Publ., 2009. 256 p. (In Russian)
 7. Armitage R.L., Nye J.S. *CSIS Comission on Smart Power: a smarter, more secure America*. Washington, DC, The CSIS Press Publ., 2007. 88 p.
 8. Nye J. *The Means to success in World politics*. New York, Public Affairs Publ., 2004. 192 p.
 9. Nye J. Foreword. *Soft Power Super-powers. Cultural and national assets of Japan and the US*. Ed. by Y. Watanabe, D.L. McConnell. New York, M.E. Sharpe Publ., 2008. Pp. IX-XIV.
 10. Duewell K. *Deutschlands auswaertige Kulturpolitik 1918-1932. Grundlinien und Dokumente*. Koeln/Wien, Böhlau Publ., 1976. 402 p.
 11. *1940-41 Annual Report British Council*. Available at: <https://www.britishcouncil.org/organisation/history> (Accessed: 21.02.2017).

About the author:

Elena Vladimirovna Pimenova –political expert, columnist of «Izvestia» newspaper. 115093 Moscow, Party Lane, building 1/57/3. E-mail: pimminito14@gmail.com.